

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.065-071
УДК 903.5

А.В. Епимахов, Н.А. Берсенева

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН
Южно-Уральский государственный университет
пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия
E-mail: eav74@rambler.ru
bersnatasha@mail.ru

МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО УРАЛА

Статья посвящена проблемам социальной интерпретации погребений синташтинской культуры Южного Урала (XXI–XVIII вв. до н.э.), в которых обнаружены предметы, связанные с процессом производства и обработки бронзовых изделий. Не менее 10 % всех захоронений содержало соответствующие атрибуты (литейные формы, керамические сопла, остатки руды и шлаков, слитки и капли металла). При включении в этот список каменных ударных и абразивных орудий доля увеличивается до 16 %. Исследование показало, что данные артефакты маркировали социальную идентичность людей, вовлеченных в сферу производства бронзовых изделий, и позволило дать общую характеристику группы. В нее входили в основном взрослые мужчины, количество которых было ограниченным. Женщины могли принимать участие в некоторых стадиях процесса, как минимум в подготовительных. Следы производственной специализации крайне редко сочетались с атрибутами высокого статуса (навершия булав, наконечники копий, топоры, колесницы и псалы). Это полностью соответствует выводам кросс-культурных исследований, согласно которым «металлурги» не занимали высшие ступени иерархии. Однако не может быть речи и о дискриминации данной группы в синташтинском обществе. Профессиональная принадлежность была одним из важных, но не главным основанием персональной идентичности. В целом наличие даже единичных захоронений «металлургов» выделяет синташтинскую культуру на фоне большинства обществ бронзового века степной Евразии.

Ключевые слова: бронзовый век, Южный Урал, синташтинская культура, металлопроизводство, погребальная обрядность, социальная идентичность.

A.V. Epimakhov and N.A. Berseneva

South Ural Department of the Institute of History and Archaeology,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences
South-Ural State University,
Pr. Lenina 76, Chelyabinsk, 454080, Russia
E-mail: eav74@rambler.ru; bersnatasha@mail.ru

METAL PRODUCTION, MORTUARY RITUAL, AND SOCIAL IDENTITY: THE EVIDENCE OF SINTASHTA BURIALS, SOUTHERN URALS

The study aims at a social interpretation of the Sintashta burials, southern Ural (21st–18th century BC cal.), where artifacts related to bronze metallurgy (molds, ceramic nozzles, ore and slag remains, metal bars and drops) had been placed. These were found in at least 10 % of graves. If stone hammers and abrasive tools are included, the share increases to one-sixth. The findings apparently indicate the social identity of those buried and point to a general characteristics of the group. People engaged in metal production were mostly adult males, and were relatively few. Women, too, may have participated, at least at the preparatory stages. Markers of engagement in metal production very rarely co-occur with attributes of high status such as mace-heads, spearheads, axes, chariots, and cheek-pieces. This agrees with conclusions of cross-cultural studies suggesting that “metallurgists” were not top-ranking members of the social hierarchy. Nor were they subject to discrimination in the Sintashta society, because being buried at a cemetery evidenced high status. Professional membership was an important but not the main criterion of personal identity. Despite being few, burials of smiths distinguish Sintashta from most other Bronze Age steppe societies of Eurasia.

Keywords: Bronze Age, Southern Urals, Sintashta culture, metal production, mortuary rituals, social identity.

Введение

Резкое ускорение процесса дифференциации в производственной и социальной сферах начинается в эпоху палеометалла. Роль новой технологии в культурогенезе по общему признанию высока. Некоторые исследователи даже считают ее центральным фактором развития древних цивилизаций (см.: [Amzalang, 2009, p. 497]). Именно с этого времени погребальная обрядность иллюстрирует наряду с иными ипостасями индивида его профессиональную принадлежность, что хорошо представлено в археологических памятниках регионов, которые не характеризуются высокой социальной сложностью. Однако далеко не во всех синхронных культурах, в т.ч. существовавших на смежных территориях, обнаруживаются такие свидетельства [Бочкарев, 2010]. Попытки интерпретации погребений «литейщиков» или «кузнецов» предпринимались неоднократно (см., напр.: [Williamson, 1990; Batora, 2002; Kaiser, 2005; Черных, 2007; и др.]). Несмотря на внушительную библиографию, вопросы идентичности пока оставались на периферии исследовательских интересов. Это объясняется характером памятников, а также качеством исследований.

Современная археология активно обращается к проблемам индивидуальной и групповой идентичности в древности. Фокус исследований постепенно смещается от изучения обществ как целостных систем к изучению различных социальных групп и даже индивидов. Каждый человек ассоциирует себя с различными общественными группами. Ключевыми характеристиками при этом являются возраст, половая принадлежность, этничность и культура, социальный статус, религия и род занятий [Diaz-Andreu et al., 2005, p. 1–12]. Изучение этих вопросов помогает лучше понять повседневную жизнь древних социумов. Металлургия была очень важной и нередко сакрализованной сферой деятельности в древних и средневековых обществах. Бронзовые предметы, без сомнения, высоко ценились и имели не только утилитарное, но и символическое значение. В этой связи представляется интересным, какие категории населения, люди какого возраста, пола, статуса были так или иначе вовлечены в сферу их производства? Возможность найти ответы на данные вопросы предоставляют синташтинские погребальные памятники Южного Урала, которые характеризуются высокой вариативностью и информативностью. До 86,7 % взрослых индивидов сопровождалось металлическими артефактами, что весьма необычно для культур бронзового века Северной Евразии и косвенно указывает на значимость металлургии в сфере не только экономики, но и идеологии.

Цель нашего исследования – установить, как атрибуты металлопроизводства соотносятся с компонентами социальной идентичности, и тем самым охарактеризовать группу людей, включенных в эту сферу деятельности.

Краткая характеристика материалов

Начало эпохи бронзы на территории Южного Урала приходится на рубеж IV–III тыс. до н.э. В это время в степной зоне утверждались традиции животноводства и металлургии. Регион был центром добычи руды и производства меди. Однако ранний период представлен в основном погребальными памятниками, в которых имеются единичные свидетельства производственной специализации (литейные формы, руда) [Богданов, 2004, рис. 46, 60; Каргалы, 2005, с. 26–33; и др.]. Значительно более информативны абашевские и синташтинские древности, поскольку они позволяют осуществить сравнительный анализ материалов разнотипных памятников.

Синташтинские поселения и могильники, датированные концом III – первыми веками II тыс. до н.э. [Erimakhov, Krause, 2013], хорошо известны специалистам и являются наиболее комплексно изученными среди памятников бронзового века Южного Урала. На фоне большинства культур Северной Евразии синташтинские некрополи отличаются значительной долей детских захоронений (до 70 %), сложной обрядностью и обилием инвентаря. Для целей нашего исследования последний представляет особый интерес. Он включал предметы вооружения, конскую упряжь, детали одежды, украшения, предметы быта и орудия труда. Иногда в могильную яму помещали колесницу или ее детали. В составе инвентаря обязательно присутствовала посуда.

Находки, связанные с металлопроизводством (литейные формы, фрагменты литейных чаш, каменные молоты, керамические сопла, технологическая керамика, шлаки, руда, сплески металла и т.д.), составляют заметную часть коллекций с поселений [Древнее Устье, 2013, с. 216–253; Епимахов, Молчанов, 2013; Krause, 2013; и др.]. В погребениях они также представлены (за вычетом литейных чаш и технологической керамики), хотя и в меньшем количестве.

В дальнейшем анализе задействованы все опубликованные материалы, включающие информацию о 353 погребенных (257 могильных ям, 33 кургана и два грунтовых кладбища) из могильников Синташта, Большекараганский, Каменный Амбар-5, Солнце II, Кривое Озеро, Бестамак, Танаберген II, Халвай-3, Жаман-Каргала I и т.д. [Епимахов, Берсенева, 2012, табл. 1]. Поскольку большинство индивидов было захоронено в коллективных усыпальницах, а около половины всех могильных ям потревожено, существуют объективные ограничения в диагностировании интересующих нас социальных структур, т.к. не всегда удастся соотнести инвентарь с конкретным погребенным. Осложняет ситуацию отсутствие антропологических определений для ряда очень важных комплексов и полноценных публикаций по некоторым

из них. Соответственно, при корреляции погребенных с сопровождающими их предметами случаи, когда принадлежность инвентаря не установлена или нет антропологических определений, будут специально оговорены.

Доля погребений с атрибутами металлургического производства не может быть оценена с абсолютной уверенностью, т.к. существует проблема критериев отбора. Если в отношении сопел и литейных форм сомнений не возникает, то при рассмотрении каменного инвентаря приходится констатировать крайнюю разногласию дефиниций в условиях острого дефицита трасологических определений. Вместе с тем при их наличии коллекции с синхронных поселений отчетливо демонстрируют преобладание среди каменных изделий орудий металлопроизводства и металлообработки [Коробкова, Виноградов, 2004; Кунгурова, 2013; Molchanov, 2013; и др.].

В публикациях материалов могильников нам встретились следующие термины: «терочник», «зернотерка», «абразив», «точильный камень», «шлифовальный камень», «каменная плита», «каменная ступка», «наковальня», «каменный пест» и «каменный молот». Очевидно, что часть таких орудий не была узкоспециализированной и широко использовалась в быту. Тем не менее было бы неправильно совсем проигнорировать каменные изделия, применявшиеся в металлургии и металлообработке, поэтому мы опирались на два варианта подсчетов, основанных на максимально и минимально информативных свидетельствах. Первый (список А) включает все атрибуты: литейные формы, керамические сопла, остатки руды и шлаков, слитки, капли и неопределимые фрагменты металла (лом для переплавки?), каменные песты (молоты), а также иные плохо атрибутированные каменные изделия. Второй вариант (список Б) сокращен за счет последней категории артефактов.

Если исходить из списка А, атрибуты металлопроизводства/обработки содержались в 44 могильных ямах из 257 (17,1 %). Захоронения представлены всеми типами – от индивидуальных до крупных коллективных. Тринадцать погребений разграблены (29,5 %), в пяти из них принадлежность инвентаря конкретному индивиду установить не удалось. Если принимать во внимание только очевидные атрибуты (список Б), то количество таких могильных ям сокращается до 27 (10,5 %). Здесь также представлены все типы захоронений, 11 ям разграблены (40,7 %), в четырех из них принадлежность инвентаря не ясна.

Далее попытаемся произвести корреляцию обозначенных категорий инвентаря с индивидами и установить социальную идентичность людей, которые отравились в иной мир, сопровождаемые атрибутами металлургического производства.

Атрибуты металлопроизводства как маркеры идентичности

Среди компонентов идентичности нами выбраны только доступные для изучения по антропологическим и археологическим данным.

Возрастная идентичность (взрослые/дети).

В этом случае использована наиболее простая группировка по возрастным категориям, которая универсальна для разных обществ. В качестве условного порога «взрослости» принят возраст 15 лет.

Рассматривая погребения с указанными выше атрибутами согласно списку А, следует сразу отметить, что в абсолютном большинстве это захоронения взрослых. Исключением является индивидуальное детское (3–7 лет) погр. 15 кург. 4 могильника Каменный Амбар-5, где найдена миниатюрная каменная «наковальня» [Епимахов, 2005, ил. 103], правда, в заполнении. Еще два «точильных камня» обнаружены в погребениях 27 и 29 Синташтинского грунтового могильника, которые авторы раскопок считали «детскими», однако антропологическая идентификация отсутствует. Если исходить из списка Б, среди захоронений с атрибутами металлургии (27 ям) детских погребений нет.

Гендерная идентичность (мужчины/женщины).

Из 44 могильных ям, соответствующих списку А, лишь для 19 имеются антропологические определения пола погребенных: шесть захоронений идентифицированы как женские (31,6 %), остальные – мужские. В трех из них (коллективные усыпальницы могильника Каменный Амбар-5) невозможно корректно установить принадлежность инвентаря, хотя один из умерших, несомненно, был мужчиной (остальные в основном дети разного возраста). По списку Б ситуация сходная: нет антропологических определений пола для 14 могильных ям из 27. Девять погребений идентифицированы как мужские (69,2 %), четыре – женские.

Теперь рассмотрим более подробно корреляцию таких достоверных атрибутов, как литейные формы, сопла и каменные молоты, с полом и возрастом индивидов. К сожалению, керамические сопла и литейные формы слабо представлены в синташтинских некрополях. Единственная литейная форма найдена в погр. 7 могильника Бестамак [Калиева, Логвин, 2009, рис. 10–12]. Она была обнаружена в индивидуальном захоронении мужчины 35–40 лет вместе с тремя керамическими соплами.

Весьма информативна в интересующем нас аспекте могильная яма 20 того же могильника [Калиева, Логвин, 2012]. Она содержала останки двух взрослых индивидов (пол, к сожалению, не установлен), каждый погребенный сопровождался жертвоприношением пары лошадей [Там же, рис. 1, 1]. В составе инвентаря, кроме многочисленных изделий из бронзы,

обнаружены четыре керамических сопла, каменные плитки и песты [Там же, рис. 2]. Выглядит интригующе то, что эти предметы были размещены не вблизи погребенных людей, а рядом с лошадьми (по два сопла в каждом комплексе), т.е. входили в состав жертвенников. Умершие имели и «персональные» наборы инвентаря: погребенный в южной части могилы – два браслета, подвеску в 1,5 оборота и бусины; в северной – бронзовые шилья, бусины (27 экз.), нож и иглу, 13 слитков и сплески металла (31 экз.). По наличию украшений можно осторожно предположить, что это женские погребения. Еще два сопла вместе с кусочками шлака были найдены в погр. 1 (взрослый с неопределенным полом) кург. 5 могильника Солнце II [Епимахов, 1996] и еще одно – в коллективном разграбленном захоронении малого кургана некрополя Синташта [Стефанов, Епимахов, 2006]. Из этого же комплекса происходит несколько тальковых плит, которые, по нашему мнению, являются заготовками литейных форм.

Погребений с каменными пестами насчитывается 22. Во всех идентифицированных случаях, за исключением одного, они сопровождали мужчин (пять случаев) или обнаружены в коллективных захоронениях, где как минимум один погребенный был мужчиной (три случая). В непотревоженных погребениях песты входят в состав разнообразных наборов инвентаря и, как правило, сопровождаются теми или иными видами каменных плит, а иногда бронзовыми слитками (Бестамак, ямы 20, 170). Лишь одно такое изделие обнаружено в индивидуальном захоронении молодой женщины (Танаберген II, кург. 7, яма 20) наряду с украшениями и другими орудиями труда, что еще раз подтверждает полифункциональность каменных пестов. В погр. 170Б могильника Бестамак, где пол погребенного не удалось установить из-за плохой сохранности костей, обломок каменного песта найден вместе с парой браслетов и шилом [Логвин, Шевнина, 2013, с. 354]. Возможно, это также женское захоронение.

Кусочки руды, слитки и сплески металла встречены минимум в 13 могильных ямах (могильники Каменный Амбар-5, Бестамак, Танаберген II, Кривое Озеро и Большекараганский). Как и прочие предметы, связанные с производством металла, они входят в состав разнообразных наборов наряду с украшениями, предметами быта, оружием и орудиями труда. Лишь в одном коллективном погребении вместе с рудой обнаружены пест и каменная плита (комплекс грунтовых и курганных захоронений могильника Синташта) [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с. 252–256, рис. 139]. Подчеркнем, что как минимум в некоторых случаях характеристики руды не позволяют ее использовать ни в качестве красителя, ни в качестве источника металла (могильник Каменный Амбар-5, кург. 4,

могильные ямы 1 и 3; кург. 2, яма 17)*, т.е. речь идет о сугубо знаковой функции этих находок.

Вертикальный статус. Синташтинские погребальные памятники не демонстрируют очевидных признаков социальной иерархии в пределах могильников**, хотя они и могут отражать только один из сегментов общества, а не картину в целом. В этом смысле приходится ориентироваться на сочетание «металлургической» атрибутики с теми категориями находок, которые обычно признаются маркерами статуса: массивным оружием (топоры и копья), колесничным комплексом, каменными навершиями булавы. Нетрудно заметить, что перечисленные категории традиционно считаются «мужскими», хотя не всегда есть тому прямые подтверждения.

В пяти погребениях, соответствующих списку А, обнаружены следы установки колесниц, в 20 – какие-либо предметы вооружения, в т.ч. четыре бронзовых наконечника копья, шесть бронзовых топоров и шесть наверший булавы. Если рассматривать список Б, то здесь три могильные ямы со следами установки колесниц и 11 захоронений с предметами вооружения в составе инвентаря, в числе которых три наконечника копья, четыре бронзовых топора, две булавы. Однако во всех этих погребениях маркеры вертикального статуса сочетались в основном с каменными изделиями. Единственным исключением является сочетание навершия булавы и следов колесницы с соплом и заготовками литейных форм в коллективном захоронении (пять индивидов без антропологических определений) малого кургана могильника Синташта.

Профессиональная идентичность. Фактически, инвентарь, недвусмысленно связанный с выплавкой металла (сопла и литейная форма), обнаружен лишь в четырех комплексах (Бестамак, погребения 7 и 20, Солнце II, погр. 1 кург. 5, Синташта, коллективное захоронение в малом кургане). Непотревоженными являлись лишь бестамакские погребения, но только одно из них сопровождается антропологической идентификацией. Во всех могильных ямах предметы, имеющие отношение к металлургии, были положены наряду с наконечниками стрел, булавой, псалями, бронзовыми ножами и шилом. Жертвоприношения животных зафиксированы в трех погребениях (Бестамак, Солнце II); четвертое (Синташта) было сильно разрушено. Не будет большим преувеличением заключить, что в этих погребениях отражен род занятий умерших

*Речь идет о вмещающей породе со следами медных окислов, которая в силу низкого содержания меди не могла использоваться в пирометаллургических процессах (заключение канд. геол.-мин. наук А.М. Юминова, Институт минералогии УрО РАН).

**Еще труднее аргументировать социальную неоднородность по результатам исследования поселений.

(либо одного из них). Все они были взрослыми людьми, один из них уверенно определен как мужчина. Обращают на себя внимание малочисленность захоронений «профессионалов» и сочетание атрибутики металлопроизводства с очень разными категориями находок.

Некоторые проблемы интерпретации

Обозначенный круг тем давно находится в фокусе интересов разных исследователей, по этой причине мы сосредоточимся на наиболее территориально и хронологически близких материалах. Погребения бронзового века Восточной Европы и Западной Сибири дают вполне представительную, хотя и не очень массовую серию находок. Наличие обзоров избавляет от необходимости дублировать эту информацию. Получившие распространение в ямной и катакомбной культурах (III тыс. до н.э.) погребения «литейщиков» были не единственными захоронениями с производственным инвентарем, например, есть погребения мастеров по изготовлению стрел. Традиция хорошо документирована в более поздний период не только в анализируемых синташтинских памятниках, но и в абашевских [Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966; Халяпин, 2005], сейминско-турбинских [Матющенко, Сеницина, 1988, рис. 11, 36–38, 42, 52; Сатыга, 2011, с. 12, рис. 2.5–2.6; и др.]. Хронологически они близки (конец III – начало II тыс. до н.э.), часть из них имеет следы взаимных контактов носителей данных культур. Однако разница в облике основных культурных черт существенна, да и о территориальном единстве говорить трудно.

Следы полного цикла металлопроизводства хорошо документированы на абашевских и синташтинских поселениях. Очевидно, что эта отрасль базировалась на местных ресурсах, хотя степень ее специализации оценить трудно. Абашевские захоронения с достоверными свидетельствами профессиональной специализации, как и синташтинские, единичны. Примечательно, что следующий период бронзового века, представленный очень крупными срубными и андроновскими могильниками, не наследует традицию таких погребений [Бочкарев, 2010]. Даже в зонах, заведомо связанных с добычей руды и выплавкой металла, таковых практически нет [Каргалы, 2005, с. 49–124; Ткачев, 2012а, б]*.

Западно-сибирские материалы бронзового века также хорошо иллюстрируют традиции металлопроизводства, хотя в погребальных памятниках свидетельства

специализации в данной сфере (нередко в сочетании с военной атрибутикой) тяготеют к сейминско-турбинским и близким по времени и территории одиновским и кротовским древностям [Молодин, 1983]. В последующие века II тыс. до н.э. картина резкого сокращения этих свидетельств в погребениях (но не в целом) сходна с восточно-европейской и урало-казахстанской.

Трудности интерпретации археологических данных стимулировали интерес к этнографическим источникам, основная часть которых, правда, связана с металлургией железа. Социальные аспекты металлопроизводства в традиционных обществах, как и организация процесса от стадии добычи сырья до этапа обмена/продажи, попали в фокус совместного внимания этнографов и археологов не так уж давно [Schmidt, 1989; Weedman, 2006, p. 269–270]. Среди археологов широко распространена идея (выдвинута Г. Чайлдом), что древние металлурги имели высокий статус благодаря своим специальным знаниям, которые также носили сакральный характер (см.: [Hølleland, 2010, p. 32]). Однако этнография и история дают различные примеры. В некоторых африканских обществах «кузнецам» запрещалось принимать пищу и пить вместе со своими соседями, они жили за пределами поселения, и кланы металлургов часто были эндогамными [Williamson, 1990]. На другом конце спектра можно найти высокоспециализированных ремесленников, занимавшихся художественным литьем в городах Древнего Египта или Ближнего Востока. Но и здесь их статус соответствовал статусу ремесленника, т.е. был далеко не самым высоким. Таким образом, не существует кросс-культурных закономерностей, априори ставящих «металлургов» на высшие ступени социальной лестницы.

Гендер людей, связанных с производством металла в традиционных обществах, до недавнего времени также не обсуждался, изначально предполагаясь мужским. Действительно, письменные источники, древние изображения и этнографические отчеты демонстрируют абсолютное доминирование мужчин в этой сфере, предполагающей наличие, помимо знаний и умений, также физической силы. Однако более целенаправленные этноархеологические исследования в Африке показали: женщины и дети принимали участие в подготовительных мероприятиях и некоторых стадиях процесса, таких как подготовка руды и сбор топлива [Weedman, 2006, p. 269]. Нет оснований отрицать, что женщины не являлись главными участниками металлопроизводства, но их деятельность была важным вкладом в выплавку металла в ряде сообществ. Особенно это касалось относительно небольших коллективов, где металл производился для собственного потребления и, возможно, сезонно.

Наконец, следует упомянуть и о письменных источниках, которые по понятным причинам не имеют прямого отношения к проанализированным конкретным материалам и могут быть использованы только

*В.В. Ткачев, публикуя единичные погребения с каменными орудиями, специально подчеркивает, что эти комплексы «чуть ли не единственные на тысячи известных... захоронений» [2012а, с. 109–110].

для самых общих заключений. Они отражают мифологические системы Евразии (начиная с III тыс. до н.э.), возникшие в рамках очень разных социально-экономических институтов. Несмотря на это, объединяющим моментом оказалось значительное преобладание упоминаний такой категории, как «кузнец», и соответствующей лексики* в сравнении с представителями иных профессий [Вальков, 2013, с. 279–280]. Для конкретизации данного вывода в части интересующих нас компонентов идентичности требуются дополнительные исследования.

Выводы

Обзор источников, анализ этнографических и исторических данных, демонстрирующих огромную вариабельность, приводит нас к мысли, что выводы о социальной идентичности производителей металла должны формулироваться только на базе анализа контекста и применительно к конкретным ситуациям. Наличие поселений и могильников синташтинской культуры позволяет сопоставлять овеществленные проявления социальной жизни ее носителей. В целом можно констатировать, что персональная идентичность была, безусловно, маркирована с помощью орудий труда, связанных с металлургическим процессом. К сожалению, на данный момент мы не располагаем прямыми доказательствами участия индивидов в этом процессе, каковые получены в ходе изучения костных остатков носителей других культур бронзового века (см., напр.: [Добровольская, Медникова, 2011]). Вместе с тем наличие собственного металлопроизводства не подлежит сомнению, значит, были и люди, участвовавшие в нем. Вопрос лишь в том, каков состав этой группы и насколько она была дифференцирована в пределах социума.

Проведенный анализ демонстрирует, что с точки зрения возрастной структуры мы предсказуемо имеем дело почти исключительно со взрослыми. Однако их половая принадлежность не была жестко определена: при общем доминировании мужчин есть достоверная доля женщин. Погребенный с литейной формой – мужчина, песты также лучше представлены в мужских погребениях. Однако руда найдена и в мужских, и в женских захоронениях. Погребение с комплексом украшений (Бестатак, яма 20), несмотря на отсутствие антропологических определений, может подтвердить тезис об участии женщин в металлургическом процессе, как минимум на некоторых его стадиях. Во всяком случае, жестких ритуальных ограничений на приобщение женщин к «огненному ремеслу» нет.

*Этот условный термин в данном случае объединяет все виды деятельности горняков, металлургов и мастеров по обработке металла [Вальков, 2013, с. 242].

Еще более размыты границы группы в рамках вертикальных статусных градаций, т.к. сочетания категорий инвентаря очень разнообразны. Уверенно можно говорить об отсутствии дискриминации по принадлежности к сфере производства. С одной стороны, включение манифестаций металлургии в сакральную сферу свидетельствует скорее о ее престижности, с другой – вполне очевидно, что она была менее акцентирована в погребальной обрядности, чем, например, военное дело, которое обычно уверенно соотносится с элитным комплексом. Само по себе включение производственных атрибутов в число признаков элиты вовсе не так невероятно, как может показаться на первый взгляд. Сакрализация труда надежно зафиксирована для более сложных обществ, чем синташтинское [Авилова, 2011]. Однако в нашем примере необходимо учитывать сравнительно небольшие демографические параметры коллективов и слабую социальную дифференциацию. То и другое соотносится с масштабами производимого продукта через потребности социума (повседневные и/или престижные) и, как следствие, значением металлопроизводства в глазах членов коллектива. В этой связи напрашивается заключение о том, что данные занятия были уделом немногих индивидов или малых групп*, которые не были строго обособлены от других членов сообщества в реальной жизни и ритуальной сфере. Профессиональная принадлежность являлась одним из многих, но не главным основанием персональной и групповой идентичности.

Список литературы

- Авилова Л.И.** О символике металлических реплик орудий труда по материалам Ближнего Востока эпохи бронзы // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и политические науки. – 2011. – № 1. – С. 87–95.
- Богданов С.В.** Эпоха меди степного Приуралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 287 с.
- Бочкарев В.С.** Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. – СПб.: Инфо Ол, 2010. – С. 209–211.
- Вальков Д.В.** Представления о «мастерах» в некоторых мифологических системах Евразии // Экспериментальная археология: Взгляд в XXI век: мат-лы полевой науч. конф. – Ульяновск, 2013. – С. 237–283.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.** Синташта: Археологический памятник арийских племен Урало-Казакстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – Т. 1. – 408 с.
- Добровольская М.В., Медникова М.Б.** «Медные люди» эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 2. – С. 143–156.

*Важным фактором была и необходимость передачи специальных знаний и навыков.

Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / отв. ред. Н.Б. Виноградов; науч. ред. А.В. Епимахов. – Челябинск: Абрис, 2013. – 482 с.

Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения средней бронзы Устье // *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала.* – Челябинск: Каменный пояс, 1996. – С. 22–42.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Челябинск: Челяб. дом печати, 2005. – Кн. 1. – 192 с.

Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) // *Вестн. НГУ. Сер.: История, филология.* – 2012. – Т. 11. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 148–170.

Епимахов А.В., Молчанов И.В. Свидетельства металлопроизводства бронзового века укрепленного поселения Каменный Амбар: каменные плавильные чаши // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии.* – 2013. – Вып. 1. – С. 4–9.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии.* – 2009. – № 9. – С. 32–58.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Погребение 20 могильника Бестамак // *Кадырбаевские чтения-2012: мат-лы III Междунар. науч. конф.* – Актобе, 2012. – С. 77–82.

Каргалы / сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. – М.: Языки славян. культуры, 2005. – Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования. – 240 с.

Коробкова Г.Ф., Виноградов Н.Б. Каменные и костяные предметы из поселения Кулевчи III // *Вестн. ЧГПУ.* – Сер. 1: Исторические науки. – 2004. – № 2. – С. 57–87.

Кунгурова Н.Ю. Трасологическое изучение каменных предметов из раскопок укрепленного поселения Устье I // *Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье* / отв. ред. Н.Б. Виноградов. – Челябинск: Абрис, 2013. – С. 285–330.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // *Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: мат-лы Междунар. конф. 12–15 дек. 2011, г. Алматы.* – Алматы, 2013. – С. 349–359.

Матющенко В.И., Синицина Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 136 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // *Древние горняки и металлурги Сибири.* – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1983. – С. 96–109.

Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. – 192 с.

Стефанов В.И., Епимахов А.В. Синташтинский III (малый) курган: некоторые подробности и новые сюжеты // *Вопросы археологии Поволжья.* – Самара: Науч.-техн. центр, 2006. – Вып. 4. – С. 263–272.

Ткачев В.В. К вопросу о минерально-сырьевой базе металлопроизводства западноалакульской культурной группы // *Кадырбаевские чтения-2012: мат-лы III Междунар. науч. конф.* – Актобе, 2012а. – С. 105–114.

Ткачев В.В. Погребально-культовый комплекс в Восточном Оренбуржье // *Археология, этнография и антропология Евразии.* – 2012б. – № 1. – С. 49–57.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (абашевский человек). – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1966. – 60 с.

Халыпин М.В. Погребение литейщика эпохи бронзы с территории степного Приуралья // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана.* – Уралск: Зап.-Казахстан. обл. центр истории и археологии, 2005. – Вып. 4. – С. 203–217.

Черных Е.Н. Каргалы: Феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. – М.: Языки славян. культуры, 2007. – 200 с. – (Каргалы; т. V).

Amzalang N. From Metallurgy to Bronze Age Civilisations: The Synthetic Theory // *Am. J. of Archaeol.* – 2009. – Vol. 113. – P. 497–512.

Batora J. Contribution to the problem of “craftsmen” graves at the end of Aeneolithic and in Early Bronze Age in the Central, Western and Eastern Europe // *Slovenska Archeologia.* – 2002. – Roč. L, č. 2. – Str. 179–228.

Diaz-Andreu M., Lucy S., Babic S., Edwards D. The Archaeology of Identity. Approaches to gender, age, status, ethnicity and religion. – L.; N. Y.: Routledge, 2005. – 171 p.

Epimakhov A.V., Krause R. Absolute and relative chronology of the Kamennyi Ambar (Olgino) settlement // *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)* / eds. R. Krause, L. Koryakova. – Bonn: Verl. Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. – P. 129–146.

Hølleland H. Spells of History: Child’s Contribution to the European Identity Discourse // *Bull. of the history of Archaeology.* – 2010. – Vol. 20, iss. 1. – P. 30–37.

Kaiser E. Frühbronzezeitliche Gräber von Metallhandwerkern mit Gußformen für Schaftlochhäxte im osteuropäischen Steppenraum // *Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie.* – Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2005. – Bd. 121. – S. 265–291.

Krause R. The metallurgy of Kamennyi Ambar – settlement and cemetery // *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)* / eds. R. Krause, L. Koryakova. – Bonn: Verl. Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. – P. 203–232.

Molchanov I.V. Inventory of small finds // *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)* / eds. R. Krause, L. Koryakova. – Bonn: Verl. Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. – P. 147–170.

Schmidt P. Reading Gender in the Ancient Iron Technology of Africa // *Gender in African Prehistory* / ed. S. Ken. – L.: British Museum Publ., 1989. – P. 139–162.

Weedman K. Gender and Ethnoarchaeology // *Handbook of Gender in Archaeology* / ed. S.M. Nelson. – Oxford: AltaMira Press, 2006. – P. 247–294.

Williamson D. The role and status of the Bronze Age smith and the organisation of metallurgy: A thesis of diss. of master of arts. – Durham: Univ. of Durham, 1990. – URL: <http://etheses.dur.ac.uk/6262/> (дата обращения: 01.12.2013).

*Материал поступил в редколлегию 18.02.14 г.,
в окончательном варианте – 20.04.14 г.*